

РЕЧЕВЫЕ СБОИ В РУССКОЙ РЕЧИ БОЛГАРСКИХ СТУДЕНТОВ

Татяна Алексиева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского

DISFLUENCIES IN THE RUSSIAN SPEECH OF BULGARIAN STUDENTS

Tatyana Aleksieva

St. Kliment Ohridski University of Sofia

taleksieva@slav.uni-sofia.bg

Spontaneous speech contains a large number of disfluencies, including filled and unfilled pauses, repairs, repetitions, and false starts. The current study investigates self-initiated self-repairs in the monologues of Bulgarian speakers of Russian. Ten advanced Bulgarian students have read and retold the Russian version of Aesop's fable 'The North Wind and the Sun'. The audio recordings were acoustically analyzed and manually annotated in PRAAT using the ToRI tool. The study identifies the causes of self-repairs in second language speech production, the structural range of corrections, and the strategies employed by students in response to disfluencies.

Key words: spontaneous speech, monologues, disfluencies, self-repairs, second language, Bulgarian speakers

Нарушение плавного развертывания речевого континуума, потеря гладкости в изложении, неупорядоченность при структурировании наблюдается в непринужденной устной речи каждого человека, но особенно ярко проявляются у говорящих на иностранном языке. Это связано с тем, что система родного языка оказывает интерферирующее влияние на общие трудности речепорождения. Ярким отличием в процессе речепроизводства между родным и изучаемым языками является степень автоматизированности и осознаваемости речепорождающих процедур (Галактионова 2008). Повторы отдельных слов, самоперебивы, переключение и смешение языковых кодов помогают лучше по-

нять когнитивные механизмы спонтанного порождения речи, особенно в проблемных для коммуниканта точках развертывания сообщения.

В рамках конверсационного анализа речевые сбои рассматриваются исследователями как часть поисково-корректировочного процесса, как «досадная помеха, замутнение исходного языкового материала» (Подлесская, Кибрик 2007: 1), и как речевая недостаточность, связанная с нарушением механизма контроля за выполнением речевой программы (Русакова 2013).

Речь протекает линейно во времени, и в процессе коммуникации говорящий должен одновременно решать несколько когнитивно-моторных задач: спланировать высказывание, выбрать единицы кодирования, манифестировать содержание лексико-грамматическими средствами и приступить к артикуляционному развертыванию. Кроме того, говорящему необходимо постоянно осуществлять мониторинг и контроль за реализацией программы высказывания на различных стадиях, а также поддерживать когерентность сообщения.

Появление сбоев в речевом континууме может быть обусловлено факторами *внешнего воздействия* (условиями коммуникации, вмешательством локутора) или *внутренними проблемами планирования*, то есть невозможностью детально продумать стратегию речевого акта: поиском точной номинации (Эйслер 1968); сложностью концептуализации на значимых границах дискурса (Чейф 1980).

Согласно мнению ряда исследователей, изучающих лингвистические характеристики речевых сбоев, существует два типа психолингвистических феноменов, связанных с возникновением колебаний во время кодирования: феномен «нащупывания» и феномен контроля за дискурсом (Танненбаум, Вилльямс, Хиллиер 1965: 139). В первом случае речь идет о планировании последующей речевой программы: говорящий сталкивается с моментом, когда он затрудняется в кодировании следующего речевого шага, не может немедленно подобрать «правильное» слово и его речь прерывается. Эта остановка, известная как *хезитация*, может проявляться в виде пауз, молчания, парафонов (например, *аканья, мэканья*), нефонемной пролонгации ряда конечных звуков лексических единиц, десемантизированных лексических элементов (таких как «ну», «это») и вокальных жестов (например, «ой», «уф»). Во втором случае речь идет о ретроспективной коррекции, то есть исправлении «пробных уже материализованных ошибочных речевых шагов, которые являются неудачной попыткой реализации уже созревшего речевого замысла» (Яковлева 2016: 26). Говорящий, осознав, что произносит то, чего, возможно, не собирался сказать, прерывает свое сообщение и

предлагает альтернативную реализацию речевого плана. Этот тип поведения связан с появлением ложных начал (апосиопезы) или повторов и регулирует качество подаваемой информации (смысловой план высказывания) и восстанавливает качество речи (план выражения).

Объектом настоящего исследования является русская монологическая речь носителей болгарского языка с простым содержанием и структурой. Мы сосредоточились на одном из видов речевых сбоев – феномене *самокоррекции*.

В эксперименте участвовало 10 информантов – болгарских студентов старших курсов Софийского университета в возрасте от 23 до 30 лет с уровнем владения русским языком не ниже В2+. Задачей информантов было прочитать и пересказать басню Эзопа (в переводе К. Ушинского) «Ветер и солнце». Аудиозаписи были сделаны во время различных сессий. Собранный корпус речевых образцов был обработан с использованием скриптов PRAAT (Boersma & Weenink 2014) и ручной разметки.

Неподготовленный по форме монолог-пересказ сюжетного текста (в отличие, например, от описания зрительного ряда или рассказа на заданную тему) можно отнести к квазиспонтанной речи (см. Златоуста 1997). Пересказ обладает высокой степенью мотивированности, почти нулевой степенью спонтанности и определенной долей подготовленности, так как полностью (тематически, лексически и синтаксически) задается исходным текстом (Богданова 2001: 15) и лишен всякой импровизации.

В ходе анализа были выявлены количественные показатели сегментных и просодических средств, используемых информантами для преодоления «травматических» участков в выстраиваемой ими локальной структуры дискурса. На диаграмме (Диаграмма 1) представлено соотношение различных типов явлений, свидетельствующих о возникших затруднениях. Как видно, в монолог-пересказе доминируют физические паузы (52%). Заполненные паузы (16%) и растяжки (15%) представлены более менее паритетно. Нерелевантные повторы слогов и частей слова занимают четвертое место (8%).

Процесс самокоррекции представляет собой побочную секвенцию, основанную на феномене рефлексивности речи. Когда в определенной точке развертывания сообщения говорящий осознает, что порожденный им фрагмент не отвечает изначально планируемой программе, он приступает к перестройке/ удалению/ замене несоответствия. Решения о правильности высказывания (точности выбранной лексики и ее формы) у говорящего основывается как на интуитивном уровне – то есть на «чутье» к языку, сформировавшемуся в процессе

естественного его использования, так и на основе усвоенных эксплицитных знаний, приобретенных в ходе формального обучения.

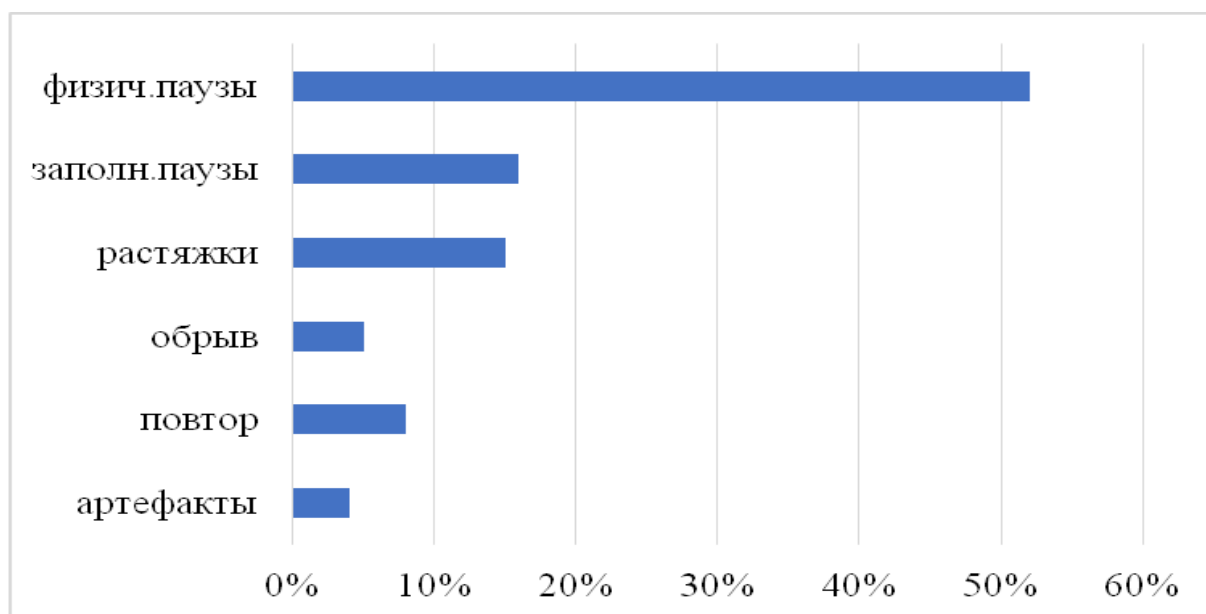

Диаграмма 1. Дистрибуция явлений хезитации в монологическом пересказе

В рамках внешнего мониторинга говорящие используют следующие стратегии: 1) прерывание высказывания и исправление замеченной ошибки; 2) продолжение вербализации без устранения ошибки (такие случаи составляют около 30%). Вероятно, недостаточный уровень владения языком не всегда позволяет говорящему адекватно оценить степень «серьезности» допущенной ошибки.

Исследователи различают два вида самокоррекций: 1) собственно коррекцию, осуществляемую в режиме он-лайн, когда говорящий незамедлительно реагирует на обнаруженную проблему (неудачно начатый пробный шаг), блокируя артикуляцию, что нарушает когерентность высказывания; 2) ретроспективную коррекцию, проводимую в режиме оф-лайн, когда говорящий прибегает к редактированию, сохраняя при этом целостность текущего речевого отрезка (см. Подлесская, Кибрик 2007: 3).

В наших материалах информанты использовали первый вид самоисправлений – контактную микрокоррекцию:

(1) и вот *сб*=|| северный ветер и солнце решили что-о-о *м-м* (0.23)¹
 (0.22) *м-м* (0.28) *кт*=|| (0.56) *тот* (0.15) из них (0.24) *а-а* (0.28) кто заста-

¹ В скобках указывается длительность пролонгированного сегмента (напр. *а-а*(0.28) и время абсолютной паузы в секундах. Сочетание знаков «=||» указывает на обрыв слова.

вит (0.25) путника снять свой (0.28) плащ (0.56) **а-ам** (0.78) первым (0.45) тот **и-и** (0.23) сильнее. (Д 10).

(2) но-о чем сильней **оъ=||** (0.24) он дул тем **а-а** (0.24) тем сильнее (0.36) путник кутался **ва-а ь** (0.07) плащ (0.63) а-а (0.31) в конце концов северный ветер отказался (0.13) **та=||** (0.13) задачи. (Д 8)

Согласно Шриберг, контактная микрокоррекция воплощается в следующей структуре (Shriberg 1999: 619):

1. *репарандум* – неудачный речевой фрагмент, который говорящий намерен перестроить или заменить. Конец этого участка соответствует *точке прерывания*, или месту, в котором происходит отклонение от плавности речевого потока;

2. *редактирующая фаза*, состоящая из отрезка от точки прерывания до начала самоисправления (здесь возможны паузы молчания или заполненные паузы («м-м», «а-а»), а также долексические сигналы сбоя («вот», «это самое», «так сказать» и др.);

3. *репаранс* – отредактированный коррелят, который соотносится с материалом репарандума и отражает возобновление плавности.

Хезитационные цепочки с различным заполнением часто свидетельствуют о трудностях речепорождения текста (Рис. 1). Парафонические включения помогают говорящему обдумывать следующий речевой шаг (выбрать более точную единицу кодирования) и преодолевать затруднения при выражении мыслей на неродном языке.

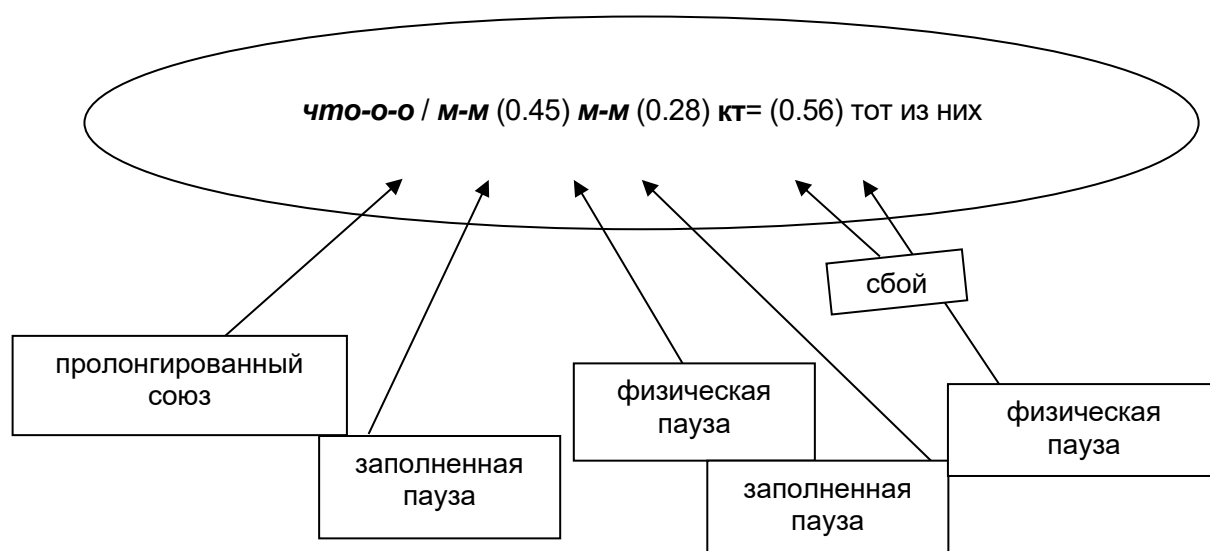

Рис. 1. Пример самокоррекции (Диктор 10)

В процессе аннотирования монологов в наших записях было выявлено 106 случаев самокоррекций различного уровня, которые мы классифицировали в следующие группы:

1) *C-repairs* – исправления, связанные со сложностью концептуализации (содержательной стороной высказывания: лексической несогласованностью, прагматической уместностью, перефразированием) (см. Кормос 2000: 150);

2) *F-repairs* – исправления, касающиеся формального плана выражения.

Соотношение самоисправлений различного уровня в монологическом пересказе представлено ниже на диаграмме (Диаграмма 2).

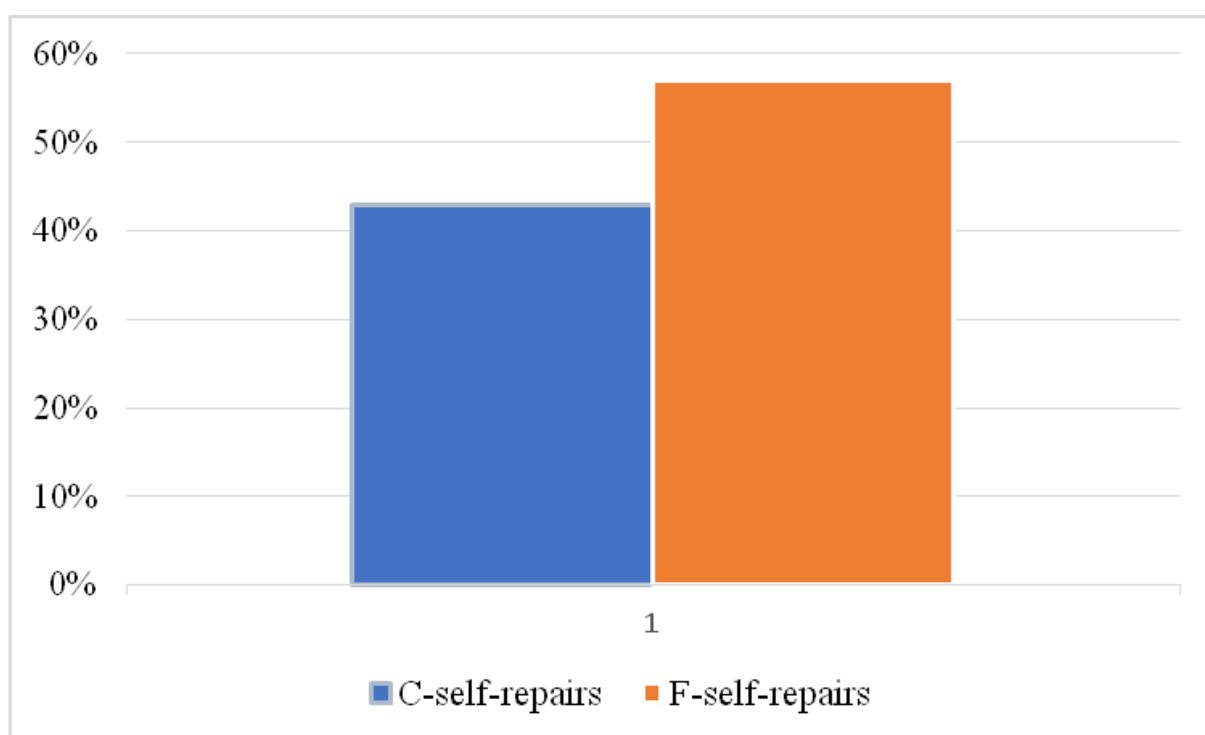

Диаграмма 2. Дистрибуция основных видов самокоррекций

Для перестройки фразы или выбора другой лексики говорящие прибегали к С-коррекциям. F-коррекции прежде всего были связаны с заменой грамматической формы в тождественной лексеме, с нарушением акцентологической нормы, а также с совпадением или близостью начального слога в ритмической единице.

C-repairs	Лексические различия (изменение одного слова)	1. ...кто заставит путника <u>сви</u> = (0.21) снять свой плащ. (Д 4) 2. Тогда (0.25) они <u>у</u> = (0.16) заметили (1.02) одетый (0.20) <u>ф-ф</u> (0.14) плащ (0.47) путника ² . (Д 6)
	Прагматическая уместность	Северный ветер <u>отка</u> = (0.33) признал что-о солнце сильнее его. (Д 8)
F-repairs	Фонетические коррекции	1. ...потом солнце засияло (0.07) <u>и-и</u> (0.19) (0.19) <u>пътник</u> а-а (0.19) путник снял свой плащ. (Д 7) 2. тогда (0.44) Северный ветер <u>вовну</u> = (0.48) вынужден был признать <u>с-с</u> = что солнце (0.13) сильнее (0.08) его. (Д 6)
	Грамматические коррекции	1. ...человек (0.10) который шел по <u>дорогу</u> (0.31) дороге . (Д 4) 2. <u>Солнышку</u> начало (1.21) солнышко начало греть. (Д 4) 3. и (1.43) человек <u>который</u> = (0.06) у которого был дом... (Д 9)
	Синтаксические коррекции	И в то время (0.09) <u>кака</u> = когда-а они спорили (0.14) на их (0.11) <u>па</u> = они встретили (0.24) путника... (Д 10)

Важным средством обеспечения когерентности дискурса при онлайн коррекции является изоморфизм формы и содержания между забракованным фрагментом и его субститутотом. В зависимости от этого признака выделяются три класса самоисправлений: 1) повтор (*repetition*), 2) замена, которая может быть полной или частичной, либо модификацией (*repair*) (Подлесская, Кибрик 2007), 3) отмена (*restart*) или перестройка репарандума (см. Шриберг 1994).

Рассмотрим несколько примеров дикторских реализаций:

(3) ...так а-а (0.24) солнце оказало=|| (0.12) **оказалось** (0.52) победителем в состяза= (0.20) **состязании**. (Д 7)

(4) но путнику стънь=|| **становился** все холодней холодней и-и плащ он= **они-и-и** (0.71) (0.46) хотел снимать. (Д 10)

(5) Так что через некоторое время (0.39) всё (1.14) ъ-м (0.66) **вся** эта (0.60) однообразная жизнь начала (1.43) надоедать человеку. (Д 9)

² В приведенных примерах сохранена реализация говорящих.

(6) Северный ветер вовну=|| **вынужен** был признать с-с=|| что солнце (0.13) сильнее его. (Д 6)

(7) Но потом солнце (0.34) на=|| (0.80) **начала** (0.17) сви=|| (0.57) **греть**... (Д 4)

Так, в контексте (3) представлена контактная коррекция: между оборванными фрагментами и их отредактированными субститутами реализуются короткие паузы молчания (длительностью 0.12 сек. и 0.20 сек.). Микроповтор свидетельствует о том, что говорящий, выбирая единицы кодирования, как бы «нащупывает» возможность произнесения именно этих слов.

В контексте (4) мы наблюдаем нарушение согласованности в синтаксической конструкции и незамедлительную реакцию говорящего на речевой сбой, но попытка найти правильную грамматическую форму не увенчалась успехом.

Контексты (5) и (6) отражают другой тип самокоррекций – *модификацию*. Пример (5) демонстрирует рассогласованность определения и определяемого слова в роде. Говорящий не имеет ясного представления о референте и его родовой принадлежности. Репарандум «*все*» и репаранс «*вся*» функционально и структурно изоморфны, это разные грамматические формы одной и той же лексемы. В (6) представлены два маркера сбоя: фонетическая оговорка, связанная с поверхностным уровнем речепорождения, и импловзивный свист, который является своеобразной реакцией говорящего на преодоление речевого затруднения.

В контексте (7) проиллюстрирована *отмена* – операция, при которой говорящий отказывается от первоначально транслированного слова «*сви*» (очевидно, «*светить*»), которое не соответствует референтной ситуации, и заменяет его более приемлемым и ситуативно уместным вариантом *греть*.

Для маскировки речевого сбоя коммуникант может использовать лексические маркеры хезитации (например, «*ну*») и вокальные жесты (типа «*хм*», «*ой*», «*уф*»). Ниже на Рис. 4 представлена контактная микрокоррекция, где между репарандумом и репарансом отмечены две абсолютные паузы (длительностью 2.09 сек. и 0.93 сек.) и лексический маркер «*ну*» в хезитационно-поисковой функции.

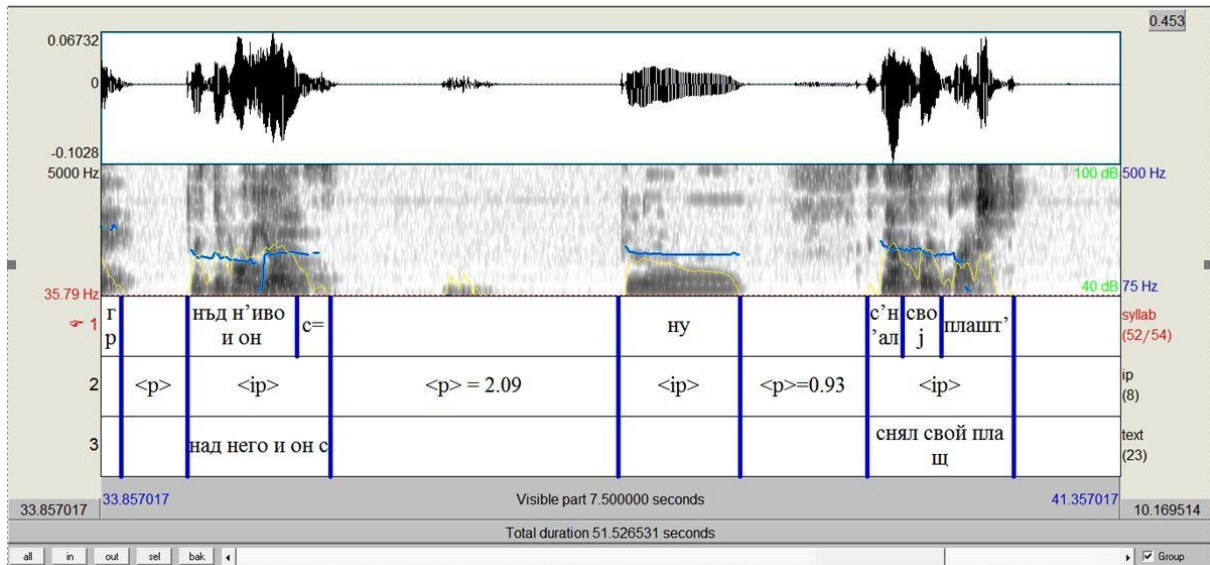

Рис. 2. Спектрограмма и интонограмма синтагмы
над него и он с=... ну... снял свой плащ

Помимо обрыва дискурсивной единицы, имеют место случаи ее разрыва. Начав артикуляцию, говорящий может сомневаться в адекватности употребления данной лексемы. В такой ситуации он оказывается перед выбором: либо воспроизвести прерванный фрагмент, либо продолжить вербализацию с момента прерывания. Как видно, между частями ритмической единицы реализуется пауза продолжительностью 0.16 секунды.

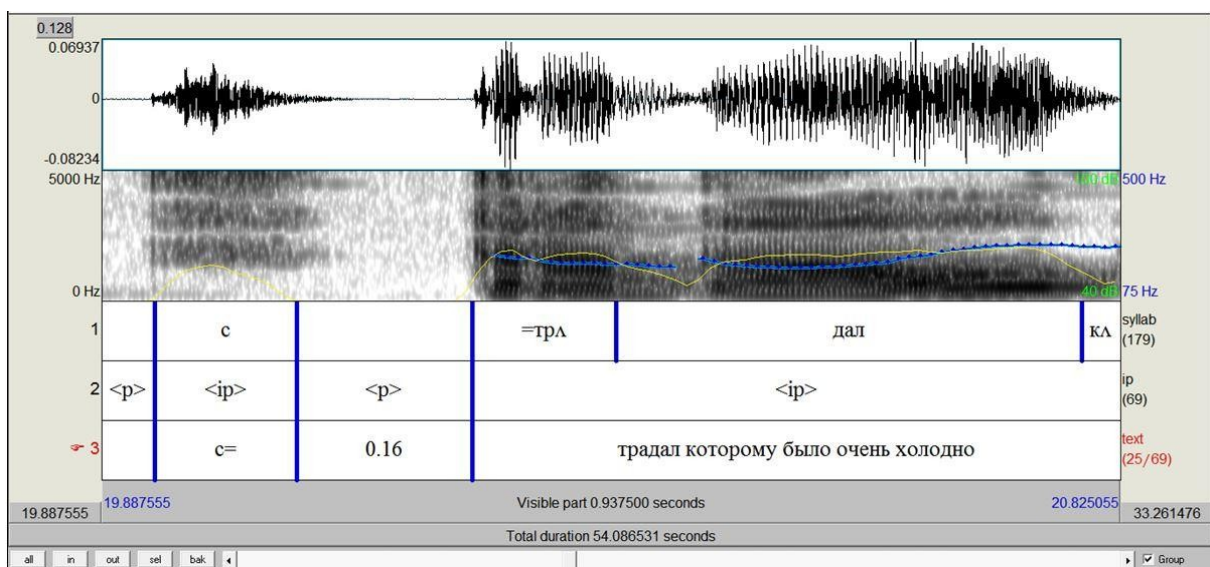

Рис. 3. Спектрограмма и интонограмма с обрывом дискурсивной
единицы в синтагме *с= ...традал которому было очень холодно*

В заключение отметим, что явление мониторинга собственной речи – это неотъемлемая часть спонтанного речепроизводства, непосредственно связанная со способами выхода говорящего из «точки сбоя». Анализ материала позволяет в определенной степени проследить функционирование механизма речепорождения и отношение коммуникантов к собственной речи («контроль качества»). Количественный и качественный анализ коррекций продемонстрировал следующие ключевые моменты:

1. При речевых сбоях в подавляющем большинстве случаев коррекции затрагивают медиальную часть высказывания. Это можно объяснить стремлением говорящего сохранить его начало и избежать возможной перестройки синтаксической структуры. Такой тип самоисправлений не требует от коммуниканта значительных когнитивных усилий.

2. Коррекции касаются только текущего речевого фрагмента. Поддержка когерентности дискурса обеспечивается полным или частичным изоморфизмом между репарандумом и репарансом, что проявляется в замене лексемы синонимом в той же грамматической форме или изменением грамматической формы в идентичной лексеме. В процессе контактной микрокоррекции репаранс отделяется от «забракованной» единицы паузой молчания или заполненной паузой, реже – лексическим маркером.

3. В нашем исследовательском материале преобладают коррекции, основанные на формальных признаках, то есть исправления, связанные с произносительными, грамматическими и синтаксическими ошибками (57%), в меньшей степени – с содержательной стороной высказывания (43%). Это может свидетельствовать о не столь высоком уровне владения языком и определенной неуверенности говорящих в использовании языковых форм, которые несут содержательную нагрузку.

4. Пересказ богат паузами, проявляющимися в акустическом нуле и заполненными формами невербального поиска, а также пролонгацией (растяжками) ударных и безударных слогов в речевых единицах. Все это указывает на то, что устная речь на неродном языке порождается медленно и состоит из минимальных единиц (квантов). Это, во-первых, обусловлено невозможностью предварительного обдумывания, а во-вторых, недостаточным владением неродным языком. Полученные результаты исследования требуют дальнейшей более детальной проверки с использованием расширенной базы данных. Выявлен-

ные в ходе эксперимента особенности могут свидетельствовать об индивидуальной речевой вариативности говорящих.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова 2001:** Богданова, Н. В. *Живые фонетические процессы русской речи: Учебно-методическое пособие*. [Bogdanova, N. V. Zhivye foneticheskie protsessy russkoj rechi. Uchebno-metodicheskoe posobie.] Санкт-Петербург: Филол. факультет СПбГУ, 2001.
- Галактионова 2008:** Галактионова, О. С. *Аспекты порождения устного текста на родном и неродном языках: на м-ле русского и английского языков: дис.... канд. филол. наук*. [Galaktionova, O. S. Aspekty porozhdeniya ustnogo teksta na rodnom i nerodnom yazykah: na m-le russkogo i anglijskogo yazykov: PhD.] Орел, 2008.
- Златоустова 1997:** Златоустова, Л. В. *Просодические характеристики спонтанной и квазиспонтанной речи*. [Zlatoustova, L. V. Prosodicheskie harakteristiki spontannoј i kvazispontannoј rechi.] // *Когнитивная лингвистика XX века*. Материалы междунар. науч. конференции 7 – 9 октября 1997 г. в трех частях. Ч. 1. Минск, 1997, 115 – 117.
- Кормос 2000:** Kormos, J. The timing of self-repairs in second language speech production. // *Studies in Second Language Acquisition* 22. Cambridge University Press 2000, 145 – 167.
- Подлеская, Кибрик 2007:** Подлеская, В. И., Кибрик, А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. [Podlesskaya, V. I., Kibrik, A. A. Samoispravleniya govoryashhego i drugie tipy rechevyh sbоеv kak ob''ekt annotirovaniya v korpusah ustnoj rechi.] // *Научно-техническая информация*. Сер. 2: Информационные процессы и системы, № 2, 2007, 2 – 23.
- Русакова 2013:** Русакова, М. В. *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. [Rusakova, M. V. Elementy antropotsentricheskoј grammatiki russkogo yazyka.] Москва: Языки славянских культур, 2013.
- Кормос 2000:** Kormos, J. The timing of self-repairs in second language speech production. // *Studies in Second Language Acquisition* 22. Cambridge University Press, 2008, 145 – 167.
- Танненбаум, Вилльямс, Хиллиер 1965:** Tannenbaum, P., Williams, F. & Hillier, C. Word predictability in the environments of hesitations. //

- Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. Vol. 4(2), 1965, 134 – 140.
- Чейф 1980:** Chafe, W. L. (ed.). *The pear stories: cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production*. Norwood (Mass.): Ablex Publishing Corp, 1980.
- Шриберг 1994:** Shriberg, E. *Preliminaries to a Theory of Speech Disfluencies*. University of California, Berkeley, 1994.
- Шриберг 1999:** Shriberg, E. Phonetic consequences of speech disfluency // *Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences*. Vol. 1, 1999, 619 – 622.
- Эйслер 1968:** Eisler, F. G. *Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech*. London: Academic Press, 1968.
- Яковлева 2016:** Яковлева, Э. Б. *Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты: Аналит. обзор*. [Yakovleva, E. B. Rechevye hezitatsii: formal'nyj i funktsional'nyj aspekty: Analit. obzor.]. Москва: РАН. ИНИОН, 2016.